18+

Николай Бредихин

Полночное солнце

Любовный детектив

Николай Бредихин

Полночное солнце. Любовный детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40488156
ISBN 9785449065711

Аннотация

«Полночное солнце» – продолжение романа писателя Николая Бредихина «Бумажные слёзы». Позади «лихие 90-е», однако старт третьего тысячелетия мало радует героев дилогии. Они снова бредут по целине под холодным, негреющим солнцем. Новые круги Ада, но вместе с ними и простые, непреходящие человеческие ценности. Любовь? Конечно же, Любовь! Ну а ещё хиреющая, дышащая на ладан, но оттого не менее желанная и любимая Литература.

Содержание

Продолжение романа «Бумажные слёзы» 5
Часть первая. Возвращение «блудного эфиопа» 6
Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 26
Глава 4 31
Глава 5 42
Часть вторая. «Толстушка Берта» 45
Глава 1 45
Глава 2 54
Глава 3 69
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Полночное солнце
Любовный детектив

Николай Бредихин

Оформление обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2020

ISBN 978-5-4490-6571-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Продолжение романа «Бумажные слёзы»

Солнце полночное, тени лиловые
В желтых ухабах тяжелых зыбей.
Солнце не греет – на лица суровые
Падает светом холодных лучей.
Иван Бунин

Часть первая. Возвращение «блудного эфиопа»

Глава 1

Выйдя из подъезда, Андрей кинул сумки на асфальт и застыл в недоумении, не в силах сообразить, куда ему дальше податься.

– И долго мы будем так стоять? – не выдержала, прервала его размышления Неточка.

– Мы? – рассеянно взглянул на неё, не понимая, Горячев. – Что *я* буду делать, не знаю: скорее всего, вернусь обратно. У меня ни копейки в кармане, последние деньги на такси истратил, чтобы сюда добраться. Не на что даже позвонить, да и куда звонить? Как говорится, был один друг, да и тот весь вышел.

– Надо было попросить у него взаймы. Думаешь, не дал бы? – Неточка тяжело вздохнула, с трудом удержавшись от назидательных упрёков.

– Даст ещё, куда он денется? Просто я до последнего оттягивал, не хотел унижаться.

– Надеялся, что сам предложит? Но откуда ему знать, что при таких деньжищах, которые прошли через твои руки, ты

сейчас беднее церковной мыши? Андрей, ей-богу, такое даже в страшном сне не может присниться.

Горячев разозлился, посмотрел на Неточку с досадой.

– Знаешь, дорогуша, я совсем не расположен выслушивать сейчас какие-либо нравоучения. Тем более от тебя. Да и вообще, деньги ты получила, страхи твои позади, что тебе их не заплатят. Теперь ты хоть поверила, что Геннадий не из тех, кто может обмануть? Чего тебе ещё надо? Или попрежнему считаешь всех вокруг поголовно мошенниками?

Неточка казалась непривычно уверенной в себе, даже заважничала.

– Что мне надо? Ну, во-первых, чтобы ты проводил меня до дому. Ты же знаешь, какая я трусиха, а три тысячи долларов – целое состояние, плохонькая, но машина. Я со страху умру с такими капиталами в кармане.

– А они у тебя действительно в кармане? – ехидно поинтересовался Андрей. Над Неточкой просто невозможно было лишний раз не поиздеваться.

– Нет, в другом месте, – спокойно ответила девушка. – Но это не твоего ума дело. Во-вторых, огромная просьба больше не называть меня Неточкой. Мне это прозвище изрядно надоело. Буквально осточертело.

Андрей ухмыльнулся.

– Как же тогда? «Косточки», «26 Дней», как Анюта тебя называла? Или вот ещё: раз Неточка, значит, Незванова, а коли Незванова, то Хуже Татарина. По-моему, эти три про-

звища куда обиднее. Да и зачем, собственно, мне вообще тебя как-то называть? Я так думаю: коли мы никогда больше не увидимся, что за необходимость нам представляться друг другу в новом качестве? Хотя до дому я тебя, конечно, провожу, вот только поднимусь сейчас к Геннадию, стрельну у него хотя бы сотню. Да, а может, ты хочешь, чтобы я называл тебя Аней, Аннет, Анютою, твоим настоящим именем? Только как же я тогда вас с моей ненаглядной соавторшей буду различать? Может, по весу, габаритам? Это подойдёт, можно определить невооружённым взглядом, кто есть кто. Кстати, есть ещё «в-третьих»? Или пакет предложений и условий наконец исчерпан?

Неточка не выдержала, отвернулась, в глазах у неё стояли злые непрошеные слезы.

– Какая же ты сволочь, Андрей! Неужели то, что было между нами последние полгода, для тебя совсем ничего не значит?

– А что между нами было? – холодно поинтересовался Андрей. – Напомни, если не трудно.

– Ну, например, что мы спали с тобой. И то, что ты слова мне шептал порой нежные, задушевные. Что я помогала тебе, когда ты писал лучший свой роман. И ты написал его, а мог бы и не написать.

– Что, претендуешь на соавторство? – в последний раз попытался сострить Андрей, прекрасно понимая, что ведёт себя далеко не лучшим образом и пора бы ему остановиться.

Но Косточки есть Косточки, Горячев ни у кого ещё не встречал такого дара обнажать в людях самые низменные инстинкты. Просто «агнец для заклания». И как только ей это удаётся?

– Нет, разумеется, я ни на что не претендую. Куда мне. Что касается, «в-третьих» – просто могу предложить тебе взаймы.

Она поспешно, как бы боясь, что Горячев откажется, вынула из лифчика толстую скрутку сторублёвок.

– Как видишь, я и там, в Коктебеле, по ресторанам не ходила, экономила, как могла, те деньги, что мне от тебя перепадали как секретарше. Сколько тебе? Сто, двести, пятьсот рублей? Волей-неволей, но встретиться нам хотя бы ещё раз придётся.

Андрей задумался, затем развёл руками: выбора у него действительно не было.

– Пятьсот хватит. Ладно, давай поищем такси, Нюрок. Надеюсь, против такого имени ты не возражаешь?

– А может, лучше на метро? – робко попыталась возразить девушка. – Чего миллионеров-то из себя корчить?

– Ох, не верю я, что ты у самого метро живёшь, а мне ещё – вокзал, электричка, раньше, чем к ночи, домой не доберусь. Кстати, как тебе деньги вернуть? Может, по почте выслать?

– Да они мне не к спеху вовсе. Всё равно пойдут на учёбу. Адрес твой я знаю: списала, когда оформляла билеты на са-

молёт, так что достану из-под земли, если вдруг вздумаешь обмануть бедную девочку.

Очень хотелось есть, но ничего съестного в квартире, разумеется, не было. В числе прочего исчез и сам холодильник. Не говоря уже о стиральной машине, телевизоре и прочих атрибутах домашнего уюта. Андрей понимал, что так даже лучше, иначе вообще бы ничего не осталось: сейчас не те времена, чтобы квартира могла простоять с чем-либо более или менее ценным целых три года без хозяев. Кухонный стол, две табуретки, старенький, продавленный диван. Ещё письменный стол со стоявшей на нём «Олимпией», подаренной Светланой. Несколько полок с книгами. Ясно, что Галина не всё взяла с собой в Москву, просто по чисто женской злобе что-то раздала знакомым, что-то даже и на помойку выбросила. Ладно, бог с нею, с Галиной. У Андрея не было никакого желания ворошить тот момент своей жизни, неприятных воспоминаний на сегодня у него и так было предостаточно. Впрочем, уснул он как убитый: подействовали усталость, уныние, резкая перемена климата.

Нельзя сказать, чтобы его слишком уж выбил из колеи неожиданный отъезд Принесённой Ветром, как Неточка, в отместку за издевательства над ней, предпочитала называть Анюту, мрачно предрекая: «Когда-нибудь этот чёртов ветер всё-таки переменится, и мы все вздохнём с облегчением: – Ах, Мэри Поппинс (о, вери, вери биг – в смысле,

очень большая – попинс!), до свидания! А ещё лучше – прощай, чтобы никогда, никогда больше эту твою проклятую „вери биг“ в самом страшном сне не увидеть». С самого первого дня их сотрудничества Андрей и Леди Совершенство (если уж Мэри Поппинс, пусть даже «биг», то непременно «Биг Леди» или «Биг Совершенство») постоянно ссорились, но неизменно мирились: Принесённая Ветром знала мужскую психологию как свои пять пальцев, и противостоять этому урагану в юбке было совершенно невозможно. Как бы то ни было, сотрудничество их было необычайно плодотворным: писалось Андрею так же «ураганно», как и гулялось. К счастью, «ветер переменился» не в начале, а незадолго до завершения работы над их очередным «бестселлером», и Горячев, пусть и с помощью Косточек (26 Дней, Хуже Татарина), смог его сдать вовремя и на вполне сносном уровне. Ну а затем на присланный гонорар просуществовать ещё полгода. Впрочем, это было именно «существование», потому что после того, как черти (не ветер, нет, нет, конечно же, только черти, и спасибо им!) унесли Анюту, началась запоздалая реакция на их совместные с Андреем похождения, и как ни отстаивала, ни пыталась оправдать Неточка своего шефа, они вынуждены были уехать из Коктебеля. Дурная слава катилась за ними чуть ли не до самой Ялты, и лишь в Гурзуфе им повезло: нашёлся сердобольный старичок, который даже счёл за честь, что его посетила такая «знаменитость». Именно там Андрей и написал свой лучший и ока-

завшийся теперь никому не нужным роман.

Голод с утра не отпустил, а лишь усилился. Но в куда больший ужас привели Андрея счета за коммунальные услуги. Отключён был не только телефон, но даже электричество. Конечно, можно было призанять у кого-нибудь из знакомых, именно знакомых, потому что друзей Андрей давно растерял, однако чем отдавать, когда отдавать? Ведь все теперь считали его звездой, баловнем судьбы, впору у него самого денежками разжиться. Одет Андрей был действительно не просто модно, а ультрамодно, а уж со свежим южным загаром смотрелся даже респектабельно: что-что, а своё дело Принесённая Ветром знала хорошо и о кавалере заботилась не меньше, чем о себе, вот только где в его родном городе было обменять эту респектабельность хотя бы на самый неприхотливый ужин? Разве только понадеяться на бога?

Бог внимательно выслушал Горячева и довольно быстро послал ему объявление на палатке: «Требуется сторож». Бог знал, что делает: в тот же вечер, не тратя времени на раздумье, Андрей приступил к работе, подменив какого-то парня-студента, рвавшегося в отпуск. Другого его сменщика – старичка-пенсионера – отпуска совсем не интересовали, так что работа была только на месяц, да и оплачивалась нищенски. Ну а, собственно, что там было делать? Спать?

Однако в ту же ночь Андрей был разбужен каким-то психом, изо всех сил колотившим по бронированному стек-

лу кувалдой. Горячев включил сирену, позвонил хозяину и только после этого с газовым пистолетиком в руках решился выскочить наружу. «Псих» уже сверкал подошвами кроссовок в отдалении, и его не удалось разглядеть.

Прибежавший хозяин, живший неподалёку, поспешил успокоить Андрея:

– Проверяли на прочность: тебя и стекло. Узнали, что новый сторож. А с новичками часто бывает: смену примет, несколько часов посидит, а потом домой спать уходит – под утро потягивается, почёсывается, как будто и в самом деле ночь без сна провел. А ты ничего парень, я в тебе не ошибся. Кстати, так и не спросил: кто ты по профессии?

Андрей хотел было соврать, но город маленький, «слава» ведь всё равно докатится.

– Писатель, – неохотно пробурчал он себе под нос, – неудачливый писатель.

– А, – кивнул хозяин, озабоченно разглядывая брызнувшую во все стороны трещинами оконную «броню», – тогда тебе такая работа в самый раз. – И тут же полностью переключился на следы кувалды: – Видел? Одно и то же место, третья по счёту попытка. Нет, на этот раз ничего менять не буду, пусть так и остаётся. На них, сволочей, не напасёшься.

Как бы то ни было, Андрею удалось выпросить небольшой аванс, и он соорудил себе «завтрак аристократа»: яичницу из двух яиц, чай, бутерброды с сыром и маслом. Хотел

было прилечь, выспаться, однако тщательно замурованный в памяти эпизод двухдневной давности легко пробил свежую кладку и вышел наружу. Как же так получилось, что в одночасье он потерял всё?

Глава 2

Первое, что его поразило тогда, в злополучный день приезда – дверь в квартире Геннадия ему открыла Галина. Была она в хорошо знакомом Андрею халатике, вот только домашние тапочки были другие – не те прежние, совсем стоптанные. Жена нисколько не удивилась приезду «любимого мужа», просто равнодушно кивнула: а, явился, наконец! И удалилась на кухню, предоставив мужчинам самим выяснять их весьма запутавшиеся отношения.

Геннадий долго молчал, не зная, по видимости, с чего начать разговор, но и виноватым себя явно не чувствовал. Он терпеливо ждал реакции Андрея, но тот был слишком потрясён увиденным, чтобы вымолвить хоть слово. Наконец вспомнил:

– Косточки!

Гринин явно оторопел, подозревая в загорелом и сверкавшем глазами «мавре» потенциального или уже состоявшегося пациента печально известного заведения.

– Какие «косточки»?

– Ну, те, что ты просил прислать, помнишь? Знаменитая твоя фраза: «Пришлите хотя бы косточки, маме и жениху». Или 26 Дней, как её ещё прозвали. Кто прозвал, ты, наверное, уже догадываешься. Тоже твой сюрприз.

– 26 Дней, почему 26 Дней? Странное прозвище, – недо-

умённо спросила появившаяся из кухни Галина.

– Ну, одна наша о-очень хорошая знакомая объясняла это так: «У всех 30—31 день в месяце, минимум 28, а у этой только 26». Понятно? – попытался съязвить Андрей.

– Нет, непонятно, – совершенно серьёзно ответила его бывшая супруга.

– Господи, солнышко, да не воспринимай ты всерьёз эти бредни, – поспешил вмешаться в разговор Геннадий, – ты что, своего бывшего не знаешь? Он, как всегда, в любимом репертуаре. Просто был такой эпизод в жизни Фёдора Михайловича нашего приснопамятного, когда за 26 дней ему нужно было написать новую вещь, аж на 12 печатных листах, иначе по условиям договора он попадал в вечную кабалу к одному негодяю, издателю Фёдору Тимофеевичу Стелловскому. Так и был произведён на свет божий роман «Игрок»…

– Одна из самых бездарных его вещей, которую в одноимённом фильме не сумел спасти даже гениальнейший актёр всех времен и народов Жерар Филип.

– Ну не слушай, не слушай ты его, Гала. Иначе непременно сподобишься усвоить какую-нибудь чушь. Он просто ёрничает, – Геннадий потрепал Галину по руке, лежавшей на его плече. – Для него, видите ли, нет авторитетов.

«Гала!», – подумал с усмешкой Горячев. – С кем же он себя сравнивает? С Сальвадором Дали? Это у него была жена Гала, в миру Елена Дмитриевна Дьяконова, которую он

отбил у своего приятеля, поэта Поля Элюара, вот только для полного сходства надо бы делать ударение не на первом, а на втором слоге, тогда получилось бы Gala – торжество, празднество». Но вслух ответил:

– Почему нет! Тот же «Идиот» – вещь совершенно потрясающая. Кстати, одна из самых моих любимых.

– Замечательное объяснение. С ума можно сойти, как вы красиво ругаетесь. Но начало вполне обнадёживающее, при всех вариантах не самое страшное. Признаться, я боялась, что вы подерётесь, – чтобы поддержать общий тон, хлопнула пару раз в ладоши Галина.

– Дорогая, – со значением произнёс это слово Геннадий, – ты не дослушала самого главного в этой истории: Фёдору Михайловичу помогла взять сей неприступный редут молоденькая стенографистка Анна Григорьевна Сниткина, большая поклонница и будущая вторая, уже «по гроб жизни», жена великого классика.

– Ага, Косточки, – догадливо кивнула супруга сразу двух «потенциально великих», но пока ещё далёких от признания «гениев». – В таком случае я обязательно должна на неё посмотреть. Ну а вы – марш на кухню чай пить, моцарты!

Вскоре на «авансцене» предстала и порядком иззябшая, жалкая, прыщавая героиня предшествовавшего разговора. Она тут же принялась делать возмущённые знаки, показывать Андрею свои маленькие кулачки, пока Геннадий буквально силой не усадил её за стол. Дальше чаепитие проис-

ходило без слов, хотя и несколько шумно, опять же с подачи Андрея, с блюдечком в трясущихся руках изображавшего подгулявшего купчика в трактире. Затем Геннадий увёл Неточку в свой кабинет, предоставив всё-таки Галине возможность первой объясниться со своим пока ещё настоящим мужем. Однако та упорно делала вид, что вообще не замечает Горячева, всё из той же чисто женской стервозности даже не предложив ему поужинать. Неточка между тем вернулась возбуждённая, с блестящими глазами и невероятно болтливая.

– Ты её что там… удовлетворил? – поинтересовалась удивлённая Галина, как-то внезапно, будто само собой разумеющееся, усвоив, что с Косточками можно не церемониться.

– На все сто! – бодро отрапортовал Геннадий.

– Действительно, две кости и кружка крови, – покачала головой, всё-таки ревнуя немного (правда, непонятно к кому и к чему), непонятно чья жена.

На этом месте Неточка чуть было не взбеленилась.

– Добавьте сюда ещё и прыщи! – проникновенно произнесла она. – Раньше они были у меня не только на лице, но ещё и на груди, а больше всего на спине. Спасибо вашему бывшему мужу – очень помог мне. У него такие вещи на редкость хорошо получаются.

– О, Господи, и с этой! Андрюша, ты всё больше опускаешься. Бедненький, как мне тебя жаль! – со стоном воздела

руки к небу «Гала». Они с Геннадием облегчённо переглянулись, радуясь, что произошёл перелом в их сторону и что грядущее объяснение никакими мало-мальски неприятными последствиями, им уже не грозит.

Андрей с нескрываемой злобой посмотрел на Святую Простоту, которая с полным правом могла добавить сейчас в свой арсенал ещё одно прозвище – Хуже Воровства. Вообще трудно было представить, чего она могла быть лучше. Как минимум двух шариков в её миленькой, а точнее сказать маленькой, головке определённо не хватало. Горячев понял, что любые попытки выяснения отношений теперь будут выглядеть глупо, они ничего не изменят в создавшейся ситуации. Имели значение только детали. А их не было никакой срочности обговаривать. И тем не менее… Галина ничего не стала откладывать на потом. Видимо, ей доставляло особое удовольствие резать по живому.

– Я смотрю, вы без меня так и молчали в тряпочку, – презрительно фыркнула она. – Друзья, называется. Ладно, придётся мне самой взять в руки инициативу.

Она повернулась лицом к Горячеву.

– Андрей, ты меня хорошо знаешь, раз я решилась на такое, значит, между нами всё кончено, обратной дороги нет. Измены, точнее даже трёх твоих измен, я тебе никогда не прощу. Кот ты есть, котом для меня на всю жизнь и останешься. А умрёшь – на могилку не приду, не надейся, разве что на холмик плюнуть. Свою половину квартиры я оставила

не тебе, а Олегу. Если вдруг так получится, что ему совсем негде будет жить, придёт к тебе со своей наречённой. «Имущество» забрала, считаю, что так будет по справедливости. Здесь ты всегда можешь быть гостем, но только Геннадия, для меня же до конца дней своих останешься лишь пустым местом. Олег взрослый, сочтёт он возможным для себя видеться с тобой – его дело. Развод немедленно. Как видишь, – тут она показала на свой округлившийся животик, – время не терпит. Свадьба – без твоего присутствия, крестины – тоже. Вообще – любые праздники, отдых – без тебя. Кажется, всё? Теперь послушаем, что скажешь ты.

– Ничего, – пожал плечами Андрей. – Ничего не скажу. Меня вполне все твои условия устраивают.

– Хорошо, – ничуть не удивилась смирению бывшего мужа Галина. – Тогда я удаляюсь. Оставляю вас с Геннадием наедине.

Андрей, как он ни был ошарашен свалившимися на него сюрпризами, тем не менее не стал давать волю эмоциям, хорошо понимая всю их бесполезность.

– Как твои дела? – решился он наконец спросить друга. Бывшего? Это сейчас ему и предстояло выяснить. Жену он потерял точно, характер Галины Андрей успел изучить досконально, но неужели… он действительно всё потерял?

– Тебе не пора домой? – спросил он резко Неточку, видя некоторое замешательство Гринина. Им обоим хотелось объясниться без свидетелей, неужели эта дура не понимает?

– Нет пока, – ответила та столь же упрямо, резко.

– Тогда принеси папку и посиди потом немного с Галиной.

– Хорошо, – ответила ещё одна «бывшая», на этот раз – секретарша.

Геннадий, между тем, расслабился и подобрел, видя, что худшее позади.

– Дела? Как у всех. Вполне обыденные. Покончил с партизанщиной, устроился в солидное издательство – ну, то, хорошо тебе известное, что вас с Анютой издавало. Ребятам везёт, идут в гору сейчас, я им, чем могу, помогаю.

– Раньше, когда кто-нибудь из наших «усаживался в кресло», на вопрос «Чем занимаешься?» отвечал: «Гублю молодые дарования», – криво усмехнулся Андрей.

– Приблизительно так, – пожал плечами Геннадий, – с той лишь разницей, что тогда кого-то губили, а кому-то даже и помогали, ну а я сейчас гублю, топлю всех без разбора. Система отступников не прощает, а я в системе. И, по-видимому, уже до конца дней своих. Так что со мной всё в порядке, как видишь, Андрон. Поговорим лучше о твоих делах. Вот они действительно далеко не блестящи.

Андрей протестующе поднял руку.

– Нет, нет, предлагаю другой вариант: не будем перескакивать. Договорим о самом для меня важном сейчас – нашей дружбе.

Вошла Неточка, вручила Андрею папку и тотчас удалилась, зло фыркнув. Возможно, решила всё-таки поболтать

с Галиной. Андрей проводил её грустным взглядом, в полной уверенности, что уж кто-кто, а «Нюсенька» точно без ужина не останется.

– О нашей дружбе? – задумчиво проговорил Геннадий. – Что я могу сказать? Всё от тебя зависит, Андрей. В семейном плане изменить что-либо невозможно. Это была не моя инициатива, но я очень счастлив и ни о чём не жалею. Как ты помнишь, я старомодный человек, в подобных вопросах мой девиз – «женщина выбирает». Будем исходить из того, что Галина выбрала меня со всеми вытекающими отсюда последствиями. В плане работы – приходи к нам хоть завтра. Такой профессионал, как ты, – кто ж откажется? Но всё с тем же непременным условием: ты играешь в команде и делаешь в точности то, что тебе приказывают.

– И что я получаю взамен? – поинтересовался Горячев.

– Немало. Вполне приличную, во всяком случае достаточную при современной жизни, зарплату. Солидное положение. Возможность публиковать свои вещи: как ты знаешь, сейчас повсюду печатают только друг друга, система совершенно сложившаяся: «ты мне – я тебе». Я уже три книжки издал, причём под своим именем. Раньше, если ещё не забыл, мне это было недоступно. Естественно, никакой самодеятельности, всё должно быть подогнано под формат издательства. Ну а если хочешь начистоту, слушай внимательнее: ты не сознаешь главного, Андрей: ты вернулся совсем в другую страну, в другой мир, в другое тысячелетие. Да, да, за та-

кой короткий срок здесь всё в корне переменилось, хотя далеко не все ещё в этом разобрались. Хочется тебе этого или нет, но времена так называемого «бандитского романтизма» безвозвратно умчались в прошлое. Сейчас чётко определились два полюса, два мира, две сферы, вне которых нет ничего. Чистые бандиты и бандиты-чиновники. А между ними – так, всякая шушера: бизнесмены, уголовники, все сплошь подлипалы и мошенники. Ещё ниже – уже их прислужники: клерки, менты, сутяги, судейские. Или вот ещё новая разновидность – так называемые «пиарщики», модное слово, производное от английского «public relations»: самое что ни на есть наибессовестнейшее и наиборзейшее племя, к нимто я как раз и отношусь. Ну а ты, где ты тут себя видишь? В самом низу, среди так называемого «электората», то есть в дерьме по самые уши? «На горах»? «В лесах»? В армии Ковпака? Марк Аврелий, который, как тебе хорошо известно, был не только философом, но ещё и императором, причём неплохим, говаривал: «Измени отношение к вещам, которые тебя беспокоят, и ты будешь от них в безопасности». Как ты сам понимаешь, мне нелегко было прийти к подобным решениям, но я ими проникся. С учётом этого сам делай вывод: друг я тебе или нет. Но, как я уже сказал, у тебя сейчас есть дела поважнее. Ни гроша в кармане, хотя должен был вернуться Крезом. Нет имени, хотя совсем недавно был знаменитостью. Нет никакой возможности подзаработать: всё поставлено теперь в нашем деле на профессиональ-

ную основу – с человеком со стороны никто уже не станет связываться. То есть ты можешь войти в какую-то из систем, в этом и есть для тебя единственная возможность выбора, но ты не можешь быть вне системы: здесь выбора не дано.

«Тень Гамлета, уже даже не отца Гамлета. Тень человека, который по всем статьям ещё жив, но уже не в состоянии решать, решить ни одного вопроса. Всё решено до него, за него. Быть или не быть… Даже уходом своим он не в состоянии ничего изменить. Ни в своей судьбе, ни в любой из других, чужих, судеб. Глас его, подобно гласу вопиющего в пустыне, не слышим на самой людной площади, перо его давно уже не копьё. „Моё оружие слово, ваше – бессловесность“, но где оно, такое твоё слово? Скажи! „Истина пишется кровью“, но кровью она и перечёркивается. Одной пули достаточно, чтобы стереть с лица земли и тебя, и всё, что тобой написано, сказано. Политика! Нет, теперь это уже не политика. Жизнь? Что ж, Геннадий свой выбор сделал, почему бы и тебе не определиться с собой?»

– Это тебе, – протянул Андрей Геннадию рукопись перед уходом. – Я выполнил твой заказ.

– Нет, это не моё, ты за всё сполна со мной расплатился. Не стану скрывать, я заработал на тебе кучу денег, так что это лучше оставь себе.

– Ты даже не хочешь хотя бы чуть-чуть пошелестеть страницами?

– Зачем? Я и так знаю, что передо мной шедевр.

– Ладно, пока. Но не надейся так просто от меня отделаться. Я не перестану считать тебя своим другом ни при каких условиях.

– Что ж, очень рад, вот только боюсь, что нашей дружбе суждено будет, и довольно скоро, подвергнуться ещё одному, пожалуй, самому серьёзному, испытанию.

Глава 3

– Верю, охотно верю, – спокойно кивнул Андрей, уютно устроившись в кресле и вытянув перед собой ноги. – Было бы смешно предположить, что у директора такого огромного издательства день не расписан по минутам. Можете не проверять, – тут он с шутовским вздохом развёл руками, – моей фамилии действительно нет в книге приёмов. Да и вообще я не человек – скорее фантом, дух.

– Вы так и не сказали, как вам удалось проникнуть сюда. Обманули охрану? – секретарша постоянно порывалась нажать заветную кнопку вызова дежурного по этажу держиморды, но что-то всё-таки её удерживало.

Андрей посерьёзнел.

– Ладно, как говорится, шутки в сторону. Вам не кажется, что вы сейчас несколько превышаете свои полномочия? От вас требуется только одно: доложить Светлане Владленовне, вашей непосредственной начальнице, что я прошу её принять меня. И сообщить моё имя: Андрей Горячев. Сообщить, а не решать. Я ясно выразился?

– Да вас таких тут по сто на дню ходит, – презрительно фыркнула секретарша, многозначительно покосившись на толстенную папку в руках Горячева. – Кто вы ей? Может, скажете? В чём цель вашего визита?

Андрей не выдержал, поманил цербершу пальцем к себе

поближе.

– Любовник. Самый обыкновенный любовник. А в чём цель? Рассказать? Или сами в замочную скважину подсмотрите?

Секретарша опять задумалась. Если бы не одежда, не причёска, не свежий загар… А что если и в самом деле? Нет, лучше не рисковать. Заодно можно и ещё один «капитал» приобрести: рассказать о странном визите одному очень и очень заинтересованному человеку.

Андрей был впущен без промедления. Светлана, к концу дня выглядевшая бледной, усталой, посмотрела на Горячева без особого удивления. Как видно, этого визита она рано или поздно ждала. Но оба, не сговариваясь, сделали вид, что они совершенно не знакомы.

– Здравствуйте! Светлана Владленовна? Моё имя – Андрей Горячев. – Андрей встал, будто бы для того, чтобы пожать Светлане руку, но тут же шутовски спохватился, сконфузился, уселся обратно в кресло. – Вот рукопись Вам принёс: слышал, что вам нужны новые авторы.

– Хорошо, – скупо улыбнулась Вольнова-младшая. Она великолепно смотрелась как в своём кабинете, так и в новой роли. – Нам действительно просто позарез необходимы свежие таланты. Да и кому они сейчас не нужны? Зарегистрируйте, пожалуйста, Вашу рукопись в приёмной у Софьи Леонидовны, я сейчас её приглашу. Это роман?

– Да, причём замечательный. Друзья, родственники, все

читали, все в полном восторге.

– И что же там? Убийства?

– Нет, что вы. Любовь. Необычайная любовь. Но героиня…

Светлана откинулась в кресле и долго задумчиво смотрела на Андрея.

– Ладно, давай сначала. Зачем ты явился? Знаю, что приехал, осведомлена, что без гроша в кармане. Всё о тебе знаю. Даже согласна купить у тебя эту пачкотню. Но при двух условиях: ты теряешь все права на эту вещь. – Тут она перешла на монотонное причитание: – Она может быть перепродана, выйти под другим именем, названием, растаскана по частям, ну и так далее, не тебе объяснять, ты не новичок в нашем деле. Ну и второе: ты больше никогда на моём пути не попадаешься. Заплачу по-царски. Как, устраивает?

Горячев отрицательно покачал головой.

– Нет. Считай, что это был всего лишь предлог, чтобы тебя увидеть. Меня интересует другое. Ответишь правду – и я просто подарю тебе свой опус, делай с ним, что хочешь. – Он помолчал, затем спросил тихо то, что в эти три года было для него самым важным, истерзало его душу: – Почему? Почему ты вдруг так резко переменилась ко мне? Я ни на что не претендую, в том числе и на то, чтобы мы остались друзьями, и всё-таки как ты могла так легко перечеркнуть всё, что между нами было, даже не поздоровалась со мной на презентации?

– Поздно, Андрей, – в тон ему так же тихо ответила Вольнова-младшая. – Как сказала одна небезызвестная тебе героиня, «но я другому отдана; я буду век ему верна».

– Ты не ответила на мой вопрос, – покачал головой Горячев. – Я не спрашиваю о том, что есть. Я спрашиваю о том, что было.

– Ах, не ответила? – Светлана резко придвинулась к нему, едва удерживаясь от того, чтобы не вцепиться ему в лицо ногтями. – Может, ты мне ещё скажешь, что любишь меня, не можешь без меня жить?

– Скажу, а что? – спокойно ответил Андрей.

Тут уж Светлана не выдержала, терпению её наступил предел.

– Хорошо, а это что? – трясущимися пальцами она потыкала ключом в дверцу сейфа, затем всё-таки открыла его и швырнула на стол перед Андреем видеокассету. – Это любовь? Да, любить ты умеешь. Со мной, во всяком случае, никогда таким прытким не был. Я звала тебя, звала помочь мне! Ты приехал?

– Звала надсмотрщиком? Полосовать кнутом спины своих непослушных «книггеров»? Самому писать за них?

Светлана наконец взяла себя в руки, нервно достала из пачки сигарету – как видно, курение стало уже неотъемлемой её привычкой.

– Твоё дело было не рассуждать, а бросить всё и мчаться на крыльях ветра.

Андрей, как ни странно, тоже успокоился, он просто млел от счастья, что находится в этом кабинете, рядом с той, которую он любил больше всего на свете, несмотря на обвинения, которые она бросала сейчас в его адрес, и ни о чём не мечтал, кроме того, чтобы это продлилось как можно дольше.

Но Светлана уже разгадала его состояние.

– Ладно, – холодно сказала она, раздавив в пепельнице окурок. – Визит окончен. Надеюсь, что мы больше никогда не встретимся. Не забудь свой роман.

Андрей поднялся.

– Пожалуй, лучше оставлю. Прочитай хотя бы. А может, и на условия твои соглашусь. Кто знает, как жизнь прижмёт? Я действительно сейчас далеко не в самом лучшем положении.

Глава 4

Стоило ли прилагать столько усилий, сбивать себе ноги, обивая пороги, чтобы убедиться в справедливости слов Геннадия о «перемене декораций»? Собственно, а что ему оставалось делать? Рассеянно глядя в окно еле плетущейся электрички, Горячев внимательно перебирал в памяти детали сегодняшней, уже восьмой по счёту, поездки в поисках работы и всё больше отчаивался. Главное – никто ему не отказывал, всегда находились какие-то варианты, но суть их была одна: «войти в обойму», стать послушным винтиком. Да и таких вариантов скоро не будет, обоймы заполнятся. Как же теперь ему существовать? Оставаться на веки вечные сторожем? «А, тогда тебе такая работа в самый раз». Понимал бы ты что-нибудь в нашем ремесле, хозяин-барин! Что я могу «сотворить» после бессонной ночи? Я ведь не поэт, и не журналист. А что – может, как раз и податься в журналисты?

Войдя в квартиру, Андрей так и обомлел, услышав со стороны кухни звуки, не оставлявшие никаких сомнений в том, что готовится ужин. Галина вернулась? Или забрался какой-нибудь бомж? Но недоразумение, к счастью, быстро развеялось: на звук хлопнувшей двери выглянул его сын, Олег.

– Привет, па! – ухмыльнулся он. – Решил вот к тебе заглянуть, а то общага совсем заела! Эй, Василина, не можешь поскорей? Хозяин вернулся, голоден, как сто и один далма-

тинец.

Андрей удивился:

– Ты что, с невестой? Не ожидал. И она у тебя готовить умеет? Значит, не из современных?

Олег ухмыльнулся ещё шире.

– Ага, с невестой! Куда уж мне! У нас в семье и так всё перемешалось, почти как «в доме Облонских»!

– У меня всё готово! Олег, помоги, – послышался вдруг слишком хорошо знакомый Горячеву голос.

Андрея так и передёрнуло, он даже не стал дожидаться удобного момента для выяснения отношений.

– Василина – это что, новый псевдоним? – холодно спросил он внезапно появившуюся в дверях Неточку.

– Нет, – ничуть не смутившись, ответила та, – это моё настоящее имя. Прошу, так сказать, любить и жаловать. По условиям контракта я обязана была забыть о нём на определённое время, но контракт, к счастью, закончился. Все те собачьи клички, которые вы ко мне почти три года примеряли, теперь уже не мои. И я уже не та, – не удержалась всё-таки новоявленная Вася-Васька-Васечка (как теперь прикажете её называть?) от того, чтобы не повысить голос. – Не «Неточка», не «Косточки» и не «26 Дней». Мы объяснимся, у нас ещё будет время, но давай лучше не при Олешке. К тебе сын приехал, Андрей, сын, с матерью которого ты расстался навсегда. А он приехал. Повторить? Или ты наконец и сам понял?

Однако Андрею нелегко было успокоиться, перестроиться.

– Это он открыл тебе дверь?

– Нет, соседка, Валентина. Ты забыл, что оставлял ей ключи и так и не забрал до сих пор? Я взяла, чего им у неё болтаться.

– Что ты ей наплела? – не унимался Андрей, хотя и видел краем глаза, что улыбка всё больше и больше сползает с лица Олега.

– Зачем плести? Просто сказала правду – я твоя невеста. В доказательство продемонстрировала ей свой загар, он у нас с тобой совершенно одинаковый.

– Невеста? – чуть не задохнулся от возмущения Андрей. – Да какая ты мне невеста?

– Обыкновенная, современная. Сейчас любой парень, раз с ним живёшь, уже жених, первую встречную девушку поцеловал – уже невеста. Разбежались – новый жених, новая невеста. И так до бесконечности. Очень удобно. И никому ничего не надо объяснять. Ладно, ты успокоился, надеюсь? Садись за стол, голоден, наверное, вряд ли куда-нибудь заходил, сразу домой с электрички. Только руки помой, полотенце я повесила свежее. У тебя даже мыла не было. Господи, как ты живёшь?

Андрей уже понял, что всё больше и больше выглядит жалким, смешным, попытался взять себя в руки, успокоиться.

– Хорошо. – Он радостно потёр одна о другую ладони, – Где же ужин? Я действительно голоден, как кашалот.

Больше всего его удивило, что за столом в конце концов оказалась и его незабвенная соседка Валентина. Без её помощи, а тем более её холодильника, обойтись вряд ли оказалось бы возможным. В итоге понадобилась ещё и магнитола, потому что всем вдруг, в одночасье (кроме Андрея, разумеется), захотелось танцевать.

– Что мы празднуем, интересно? – поинтересовался он у Валентины, оказавшись с ней в медленном танце.

– Как что празднуем? День рождения. Вы что же, Андрей Борисович, наверное, и о подарке забыли? Тогда бегите скорее – может, какой-нибудь киоск ещё и открыт.

Андрей немедленно двинулся к Василине, перехватил её у Олега.

– Это что ещё за день рождения? «Кошкины именины»? Или просто мелкая афера, чтобы выманить у добропорядочных граждан «что-нибудь на пропитание»?

Василина грустно покачала головой.

– Да, не везёт мне с именами. Даже настоящее подкачало. Что можно к нему подобрать уменьшительное-ласкательное? Лина? Большинство Васькой зовёт, ты прав, как кошку. Но я уже давно не обижаюсь. Что ж, Андрей, ты раскусил меня. День рождения у меня и в самом деле нескоро, но почти три года я жила под чужим именем, как подпольщица, разве это не повод? Кроме того, у меня сегодня новоселье.

Я перебралась к тебе, если не навсегда, то, по крайней мере, на о-очень продолжительное время, так что мы теперь как бы в гражданском браке, почти что муж и жена… Что, и это тебя не веселит? Ну, Андрей, столько поводов просто потанцевать и выпить, а ты застыл, как статуя Командора. Давай, давай, включайся. Мы тут, кстати, без тебя с Валентиной прекрасно провели время. Когда готовили, заложили за воротник немного, увидели у тебя кассету, решили, что порнушка, но я быстро всё поняла, тут же поменяла на другую киношку, уже из Валиной коллекции. Зна-а-ешь, у неё такие вещи, я ни за что бы не подумала!

Андрей помрачнел.

– И что там конкретно?

– Где?

– Ну, на той, первой, кассете?

Василина поколебалась, затем спросила в свою очередь:

– А ты разве не догадываешься? Фильм. Кстати, очень, просто на редкость высокохудожественный. Настоящий блокбастер.

– Как устроить, чтобы и я сподобился срочно его вкусить?

Василина уже кляла себя нещадно за то, что проболталась, однако вино всегда делало её непомерно словоохотливой.

– Нельзя подождать с этим? Хотя бы до завтра, – с досадой спросила она. – Ты хочешь испортить себе и всем нам такой вечер?

– Хочу, – решительно кивнул Андрей.

– А что лично мне за это будет? – кокетливо, с потешными хриплыми, пьяными нотками в голосе, поинтересовалась Святая Простота.

– Всё, что попросишь!

– Эге, звучит заманчиво, – тут же сориентировалась Вася, которая с другим именем, казалось, полностью переменилась характером. Она отвела в сторону Валентину, что-то пошептала ей на ухо, затем взяла ключи и кивнула Андрею: «Пошли!», как можно незаметнее постаравшись прихватить с собой злополучную кассету.

В квартире Валентины она уселась подальше за спиной Горячева, чтобы ему не мешать. Андрей хотел было совсем прогнать бывшую «Неточку», но скоро понял, что она здесь лицо весьма и весьма заинтересованное. Фильм был снят, несомненно, профессионалом, с некоторой даже стилизацией под Ларса фон Триера, как бы для того, чтобы придать происходящему больше достоверности, и, несомненно, обошёлся заказчику (точнее, заказчице) в кругленькую сумму. Был даже сюжет, фабула которого раскручивалась довольно комично и, главным образом, эротично. Некий писатель со своей соавторшей, обладательницей великолепных телес и неиссякаемой жизненной энергии, а также совершенной дурнушкой секретаршей всколыхнули жизнь небольшого курортного городка не столько своим творчеством, сколько невероятными, скандальными похождениями в сочета-

нии с самой что ни на есть откровенной беспринципностью. В действии было очень много монтажа. К примеру, некоторые суперэротические сцены, происходившие в интимной обстановке, давались как бы на глазах шокированной толпы. Эпизоды с Косточками, снятые уже после отъезда Принесённой Ветром, были вплетены в канву так, что получался как бы роман втроём, начинавшийся с подсматривания 26 Днями любовных сцен через замочную скважину, закатывания глаз под душем и кончавшийся эпизодами, опять же, благодаря умелому монтажу, сильно смахивавшими на групповуху.

Фильм продолжался без малого три часа, но смотрелся на одном дыхании. Было сделано немало ответвлений, которые могли бы превратить его в боевик, детектив, эротический, даже мистический, триллер: например, очень умело снятая сцена, когда Андрей не даёт Анюте вылезти из ванны, погружая и погружая её обратно. Этот эпизод вполне можно было бы определить поворотным, после чего Анюта в сюжете больше не появилась бы вообще. Ну и так далее: Горячеву, как Мастеру Безвыходных Ситуаций, не нужно было ничего объяснять. В итоге получилась классическая мелодрама: крики Анюты о том, что она больше так не может, что ей всё донельзя осточертело, относившиеся к творчеству, были очень умело переведены на личные отношения. Получалось, что «дурнушка» в итоге победила и «герой» довольно быстро смирился с этим, найдя в ней все черты, в том числе

и эротические, легендарной Золушки.

– Ладно, всё ясно, – вздохнул Андрей под глубоким впечатлением от увиденного, – пора спать, уже поздно. Чёрт бы побрал всех этих идиотов. Кому, интересно, так понадобилась моя личная жизнь? Ты идёшь? Не знаю только, где ты пристроишься на ночь, таинственная незнакомка. Если только на полу. Но предупреждаю, что у меня даже лишней смены постельного белья нет.

Василина поморщилась.

– Не дури, Андрей, куда мы пойдём, сейчас уже второй час ночи. Ты так ничего и не понял? Может, тебе объяснить?

Андрей насторожился.

– А что, интересно, я должен понять? – Тут только до него дошло: – Постой, ты хочешь сказать, что Олег и Валентина… Он с ума сошёл, она же вдвое старше него! Идиот, в институте полно молоденьких девчонок, а тут нате вам с кисточкой! И давно это у них?

Василина тяжело вздохнула, ей нелегко было выдавать чужие секреты.

– Ну, почти сразу, как твоя жена к Геннадию переметнулась. На парня это так подействовало, а тут и утешительница под боком. Человек давно в разводе, сын полтора года как в армии. Вообще-то ясно, кто ей на самом деле всегда нравился, но ты ведь у нас такой неприступный. Крепость, оплот, цитадель. Ладно, ты особенно не переживай, у них нет ничего серьёзного, чадо твоё в надёжных руках, надо же ему

где-то постельного опыта поднабраться? А это, между прочим, очень и очень важно в жизни. Вот я сейчас убедилась, ты ведь такие штучки знаешь, а на мне ни одной не испробовал. Это несправедливо. Сегодня же и начнём.

Андрей смотрел на неё во все глаза, не в силах переварить первые две новости, а тут ещё третья.

– Слушай, ты то зачем здесь объявилась? Тебе что, совсем делать нечего? Ездишь по гостям?

Василина не выдержала, расплакалась. Нервы у неё окончательно сдали, хоть она и крепилась весь вечер.

– А куда мне было ехать? У меня, кроме тебя, теперь никого больше нет. Не поверишь, Андрюша, я почти три года терпела всё, что только можно, я и спать-то с тобой напросилась поначалу исключительно только из-за того, чтобы тебя там, в Крыму, удержать, чтобы, опять же, больше денег подзаработать. Дергалась под тобой, а сама себя в институте воображала, потом, правда, втянулась: понравилось. Как говорится, сочетала приятное с полезным. И всё-таки ещё немного, ещё чуть-чуть (даже зарубки начала делать) – и я студентка! Нет, ты не в состоянии вообразить, что это значит. Для меня, по крайней мере. Нормальная работа потом, шансы даже при моей отнюдь не модельной внешности удачно выйти замуж. Всё! А теперь ничего. Меня обокрали. И кто же? Моя собственная мать! Забрала все деньги до копейки: пусть, мол, у меня полежат, я их спрячу понадёжнее. А теперь не отдаёт. Сидит со своим хахалем, который тут же появился после мо-

его отъезда, подливает себе водочки в стаканчик и, знаешь, здраво так рассуждает: «Пожалей меня, Васенька, я ведь старенькая, ты ещё себе заработаешь, а мне-то как жить? Вдруг болезнь – где взять денег на операцию? А помру, опять же – на что хоронить? Институт! Тьфу! Что толку в нём, в институте? Я вот тоже, как тебе известно, с высшим образованием, а пенсия – сущие гроши». Ну, я до сих пор в шоке, конечно: и в скандал, и в слёзы. Как только не убеждала её! Всё без толку. Даже жить мне теперь негде: новоявленный «отчим» на следующее же утро ко мне в кровать полез, когда мать ушла за хлебом. Огрела я его настольной лампой по башке, а матери хоть бы что: «Ну, пошутил человек, а ты сразу, как ненормальная!» Одним словом, чемодан собрала – и на электричку. Андрюш, ради бога, мне уже не до шуток, ты не прогоняй меня, ладно? Я понимаю, конечно, ты другую любишь – ну и люби себе, разве я против? Как только понадобится, место я тут же освобожу. А пока – ты один, я одна. Ты ведь знаешь – поесть приготовить, постирать – я всё умею.

Да, это, пожалуй, было венцом всего.

– Ну а как же жених?

– А его никогда и не было. Это я просто так наплела: условия выторговывала, чтобы больше цену набить.

– Ладно, – устало махнул Горячев. – Давай спать. Ты хоть с ней договорилась, что мы сегодня здесь, в её квартире?

– Конечно, конечно, – радостно засуетилась Василина. –

И уж ты постарайся сегодня, а, Андрюша! Я так давно с тобой не была, а ты столько времени обманывал бедную девочку, обращался с ней, как с ребёнком, а я по-настоящему, на полную катушку хочу.

Что было делать? Всё-таки имя ничего не изменило. Косточки так Косточками и остались. Но даже после полутора часов бурного секса Василина не угомонилась.

– Был у неё? Когда? Вчера, позавчера? Не таи в себе, расскажи.

Глава 5

Андрей и сам не знал, с чего бы вдруг он так разоткровенничался перед Василиной. Однако ему важно было не просто обдумать, но до самых мельчайших подробностей вспомнить содержание памятного разговора: и попытку официоза, и дрожащие руки Светланы у сейфа, и то, с каким выражением лица она швырнула на стол перед ним кассету. Да и сама эта проклятая порнушка, которую, по всем прикидкам, хоть сейчас запускай в интернет.

– Она тебя любит, – со вздохом выдала резюме Василина.

– Ты так думаешь? Всё ещё? Несмотря ни на что? – не поверил её словам Андрей.

– Нет, не всё ещё. Тогда не понимала, теперь точно знает, что не может без тебя жить.

– Доказательства?

– Ну хотя бы эта кассета. Ещё – предложение купить твой роман.

– Ну, с кассетой не совсем всё ясно, да и роман…

Денег у Василины тоже не было, последние гроши она истратила на пресловутые «кошкины именины». Поэтому, не мудрствуя лукаво, со второй половины дня она уже подменяла отправившуюся в отпуск продавщицу из той же палатки, которую сторожил Андрей. Она довольно быстро на-

шла общий язык и с хозяином, и с покупателями, и скоро никто уже не подозревал в ней дебютантку.

Горячеву, между тем, предстояло выдержать ещё одно испытание: разговор с сыном. Но Олег первым начал.

– Па, ты не осуждай меня за Валентину. Это просто жизнь. Ну а про то, как ваш разброд на меня повлиял, тоже не думай – я достаточно взрослый. Да и вообще я тебя хорошо понимаю. Матери нужно было всего лишь дать тебе время, ты бы вернулся, вне всяких сомнений, ты ведь обязательный человек. Да и о чём я говорю, па: тут чистейшей воды литература. Они никто не в состоянии понять таких вещей. Тут другой мир и нельзя постоянно жить в раздвоении. Когда-нибудь вдруг неизменно приходит момент, когда хочется соединить несоединимое. Он может пройти, а может… и не пройти.

– «Они», – насторожился Андрей, – почему «они», я случайно не ослышался?

Олег долго молчал, затем тяжело вздохнул.

– Да, па, ты не ослышался, «мы» и «они». Случилось непоправимое – я тоже решил стать писателем.

– Господи! Что я слышу? – стукнул Андрей со злостью кулаком по диванному валику. – Олег, что за бред? Что ты несёшь, мы ведь уже говорили на эту тему, и не раз. Ты же мне обещал!

Олег ещё раз вздохнул и развёл руками.

– Разве такие вещи всерьёз можно обещать, па? Ты же сам

видел: я сделал всё, чтобы не повторить твою судьбу. Литература и математика – считай, я убежал на другой полюс, а толку что? Вот устроился я работать в одну фирму, чтобы немного приодеться. Так и стал всасываться в меня, как в вакуум, жизненный материал. И уже ничего не могу с собой поделать: в голове диалоги, сцены, образы сами собой разрастаются, соединяются. У меня тут зачёты, экзамены, а я будто в другом мире, счастлив, как последний идиот. Нет, па, ты не бойся, я по твоему пути не пойду. Коммерция, только коммерция, никакой серьёзности, насмотрелся я, слава богу, как ты одну и ту же сцену переделываешь по сто раз. И всё-таки – ты мне поможешь, а? Ты ведь мастер, па, мать в подобных делах ничего не смыслит, ну а я-то знаю: таких, как ты, можно пересчитать по пальцам. Неужто с родным сыном ничем не поделишься из своего загашника?

– Ладно, – обессилено отмахнулся Горячев. – Ехал бы ты лучше к себе в институт. У меня и без тебя голова уже кругом идёт.

– Да я понимаю, па, – обрадовано улыбнулся Олег. – Сначала, кровь из носа, диплом, и чтобы непременно с отличием, аспирантуру вот ещё надо закончить. Как говорится, не горит. Но я не передумаю, не надейся. Я твёрдо решил. Для меня без этого жизнь – не жизнь.

«О, Господи, – устало подумал Горячев, – сколько ещё на свете идиотов? И все они липнут ко мне, как мухи на мёд. Чем же я это заслужил?».

Часть вторая. «Толстушка Берта»

Глава 1

Геннадий был строг, официален.

– Что ж, я очень рад, что ты сохранил свою обязательность. Явился в точно назначенный час, экономишь моё время. Я же говорил, что нам в самом ближайшем времени придётся встретиться – так и получилось.

Он вынул из загодя подготовленной папки бланк договора.

– Знакомая бумажка?

Андрей тотчас всё понял, судорожно сглотнул слюну.

– Ещё бы! Считай, что это сейчас самая большая заноза в моей заднице.

– Хорошо, я бы раньше тебя предупредил, но где тебя было искать? Частного детектива нанимать – слишком дорогое удовольствие, ну а сам ты почему-то думать о своих делах не удосуживаешься. Между тем, согласно этой вот бумаженции, ты должен сдать ещё два романа. Договор я сам составлял, как ты помнишь, в бытность свою твоим литературным агентом, то бишь когда ты был на взлёте и с тебя пылинки сдували, как бы ты в другое издательство не перебежал. Так что условия очень щадящие, но два романа есть два романа,

на всё про всё у тебя пять месяцев сроку, включая редакторскую правку, исправления, добавления и прочую дребедень. А у тебя, как я понял, нет ничего за душой, даже самого паршивенького сюжетика.

– Почему у меня? – взорвался Андрей. – А у неё? Здесь же две подписи стоят, почему я один должен за всё отвечать? Мне и так стоило огромных трудов закончить последнего нашего недоноска, спасибо – Неточка помогла.

Геннадий ухмыльнулся.

– Она тебе ещё не сообщила своего настоящего имени?

– Вчера сподобилась, – нехотя признался Андрей.

– Прости, я счёл, что так будет романтичнее, не думал, что эта чёртова кукла задержится надолго, и вы из этого милого, робкого существа сделаете полуидиотку. Она живёт сейчас у тебя?

Андрей кивнул.

– Перед тем, как тебя «осчастливить», она позвонила мне с просьбой хоть немного подкинуть ей денег взаймы, но я отказал, – спокойно добавил Геннадий. – Счёл, что так легче будет держать вас в поле зрения, чтобы вы были всё время вместе, рука об руку.

Андрей долго молчал, затем проговорил с грустью.

– Никогда не мог подумать, что окажусь однажды вдруг от тебя в такой зависимости, что из друга ты превратишься в злейшего врага, а уж тем более что ты будешь настроен так воинственно, даже агрессивно. Ты что, хочешь совсем

утопить меня? Такой приказ получил от своих… работодателей?

Однако Гринина было не смутить.

– Дружба тут ни при чём. Я просто действую так, как действовал бы любой другой на моём месте.

– Содрать с меня все шкуры, которые есть, – в тон ему поддакнул Горячев. – Но у меня ничего нет, кроме квартиры, да и то в ней мне принадлежит только половина, другая половина – Галины. Ладно, чёрт с ней, с квартирой. Будем считать, что ты мою долю в ней уже отыграл. Тебе, точнее, издательству, и этого мало, ты хочешь дальше превратить меня в раба? Опять же, на сколько? На всю оставшуюся жизнь? Геныч, тебе не кажется, что ты стал каким-то роботом, фанатом? А потом, не забываешься ли ты, не слишком ли себя переоцениваешь? Считаешь, что очень хорошо меня знаешь, и этим пользуешься? А ты не думаешь о том, что я тоже могу наплевать на нашу дружбу, развернуться и дать сдачи? И так, что мало не покажется, разом полетит в тартарары всё твоё дутое благополучие?

– Я просто требую, как официальное лицо, соблюдения принятых тобой же самим обязательств, ничего сверх того, – невозмутимо ответил Геннадий. – И не надо меня пугать. Ты один, а за мной люди, знаешь, такие тихие старички – гномы, которые всем владеют, всё решают и ни за что не отвечают. Убивают не их – убивают тех, кого они подставляют вместо себя, назначая подобного рода болванчикам огром-

ные зарплаты, даря им «Ролексы» при вступлении в должность, от души их поздравляя. Это очень жестокий мир, Андрюша, в котором, чтобы остаться в живых, нужно тщательно выверять каждый свой шаг. А я ведь теперь не один, как тебе известно.

– Хорошо, – непритворно зевнул Горячев, – ну а если я тебе кое-что покажу, скидочку мне, по старой памяти, сделаешь? На дружбу больше не ссылаюсь, но есть другие вещи, которые всегда в цене. Информация, к примеру.

Он вынул из сумки кассету.

– С собой дать не могу. Закрывай кабинет изнутри, попроси секретаршу, чтобы она сама разбиралась со звонками и визитами, включай видеоплеер.

Геннадий с недоумением покосился на своего без пяти минут раба, неожиданно вырвавшегося из пут, но исполнил в конце концов всё, что от него просили. Андрей взял пульт в свои руки:

– Всё лишнее, личное я буду пропускать, – сказал он тоном, не терпящим возражений.

Геннадий всё больше хмурился, даже мрачнел по ходу просмотра, но не вымолвил ни единого слова. Да и затем долго сидел в задумчивости, будто окаменелый. Судя по тому, что он не сделал ни одного звонка, чувствовалось, что он сам в состоянии решать многие важные вопросы.

– Сколько может быть таких кассет всего? – нарушил он наконец изрядно затянувшееся молчание.

– Откуда мне знать? – пожал плечами Андрей. Он не ожидал, что Геннадий окажется в данном случае таким хладнокровным. – Может быть, одна. Может быть, тысяча уже. Те сцены, в которых так или иначе фигурируют книги вашего (или пока ещё нашего) издательства, когда люди сначала гоняются за Анютой и мной с просьбами об автографах, пытаются сняться с нами на пляже, на улицах, а затем, наоборот, плюются при виде нас, сжигают, разрывают наши книги в клочья, бросают их в море, я тебе переснял. Но только это. Задницу свою на всеобщий обзор выставлять у меня нет желания, не говоря уже об остальных частях тела. Но баба, вне сомнения, – ас, мне таких ещё в своей жизни встречать не доводилось.

– Мне тоже, – сухо подтвердил Геннадий.

– Ты думаешь, её специально к нам подослали, – удивился Андрей, – и всё было спланировано заранее?

– Нет, вряд ли. Если так предположить, получается слишком многоходовая комбинация. Полагаю, причина одна – обыкновенная ревность. Твоей замечательной подруги. Перестаралась – заплатила слишком много денег. Профи отработал их на полную катушку, то есть с довеском. Честный профи попался, вроде тебя. Лишнее ведь убрать никогда не поздно, а свою марку нужно высоко держать. Итак, сколько, где? Ты не ответил на мой вопрос. Сам буду вычислять, но хотелось бы знать и твоё мнение. Скидку гарантирую, не беспокойся. Сведения, что ты представил, действи-

тельно бесценные.

Андрей наморщил лоб и стал рассуждать, для удобства загибая на руке пальцы:

– Думаю, три, не больше. Оригинал – у заказчицы, и две копии – одна сразу же была изготовлена специально для меня, вторая – у самого исполнителя. Многокамерной съёмкой здесь не пахнет, всё построено на монтаже, но работа настолько филигранная, что человек этот просто не мог не оставить для себя оттиск. И мы бы с тобой не смогли, будь мы на его месте.

– Ладно, – задумчиво пробормотал Геннадий, – профи я беру на себя. Обойдусь даже без денег, просто немного напомню этому хорошему человеку о профессиональной этике, которую при всех обстоятельствах необходимо соблюдать. Зачем зря ссориться – такие люди всегда могут пригодиться.

– Как с кассетой – уничтожишь на месте?

– Разумеется, иначе мне её просто не отдадут, я же не заказчик. Но Светлана! С ней будет сложнее. Возьмёшься выманить у неё оригинал?

– Нет. Это совершенно бесполезно, – покачал головой Андрей. – Мои акции там упали донельзя. Может, попробовать «медвежатника» подослать?

– Гиблое дело, – покачал головой Геннадий. – Такой вариант ничего не даст. Ты просто не знаешь всех обстоятельств. В своё время, когда она звала тебя, она звала тебя не над-

смотрщиком. Только дурак мог предположить, что двадцатилетней девчонке под силу будет сражаться на равных с нашими знаменитыми аллигаторами. Но лучше рассказать эту историю с самого начала, по-другому вряд ли получится. Ты, конечно, помнишь Светочкин бзик: «не писать, а издавать книги». Как ты сам понимаешь, денег своих у неё было мало, пособили мать и «папа, который не папа», – Владлен Корозин. Пособили, но не подарили. Просто деньги вложили. Купили задёшево вот-вот готовую пойти ко дну посудину, залатали дыры и вновь пустили в плавание. Но немного не рассчитали свои силы. После перемены декораций, то бишь выборов, к власти пришли другие люди и прежние покровители Вольновой-младшей оказались уже недостаточно влиятельными. Гномы тут же слегка прижали твою ненаглядную, проверяя её на прочность. По всем прикидкам она должна была сдуться, но смогла вывернуться: влила такие ассигнования в дело, нашла таких специалистов, что злополучная проверка обернулась её инициаторам немалыми убытками. С тех пор её никто не трогает, но в последнее время вновь прошёл слушок, что «в Багдаде не всё спокойно». Дополнительную сумму она нашла очень просто: вышла замуж за нелюбимого, но очень богатого человека. Однако с самого начала это был не просто брак по расчёту, а одновременно и сделка. Так вот: что-то сравнительно недавно произошло в их отношениях с мужем, а в таких случаях выбора нет – кто кого сожрёт. Если только не вмешается кто-то третий и не сожрёт

обоих сразу, если те промешкают.

– Хорошо, – так до конца и не понял Андрей, – в чём же тогда смысл этой кассеты?

– Выход прост. Прибрать дело в одни руки. А поскольку человек (конкретнее – муж) всё равно в нём не разбирается, ему есть прямой смысл тут же его перепродать, но не по дешёвке, а с максимальной выгодой, замутив для начала воду так, чтобы чертям тошно стало, дискредитировав, в чём только удастся, и другие издательства. Я этого человека знаю, он свою цену всё равно возьмёт, ни перед чем не остановится. Так что, Андрей, прошу тебя, уничтожь поскорее эту копию. И выпроси у Светланы оригинал: она больше всех нас сама от него же и пострадает. Как я сказал, промедление тут смерти подобно, нужно действовать как можно скорее и наверняка. Там к вам в гости один человек приезжал – помнишь, разумеется, – вроде как просто вас проконтролировать, а на самом деле погулять, покутить, в море побарахтаться, на пляже понежиться. Это Шпыгорь, наш директор, засветил он на твоей кассете свои гениталии по полной программе. Самый, кстати, во всей ленте замечательный эпизод: он – с Анютой, ты – с Василиной ночью на пляже, а метрах в пятидесяти приближаются к вам с фонариками и собаками пограничники. Монтаж, конечно, но очень впечатляет. Не можешь ли ты, кстати, все эпизоды, так или иначе связанные с этим проклятым боровом, добавить в ту кассету, где море живописно так выплёвывает ваши «блокба-

стеры» на берег, а затем вновь их пожирает? Кадр, достойный Альфреда Хичкока, только у него – «Птицы», а у вас – как бы «Волны».

Глава 2

Что ж, выхода другого не было, Андрей тут же, от Геннадия прямиком отправился к Светлане. Благо, что «лучший друг и враг», как лицо заинтересованное, добился для него аудиенции мгновенно. Причём настолько, что секретарша-церберша при появлении Горячева чуть не присела от подобострастия.

Светлана долго молча разглядывала Андрея, ожидая, что он первым заговорит, однако жёлчь так и разливалась в ней, поэтому она в конце концов не выдержала.

– Ну и как? – спросила она с ядовитым участием. – Приятно было видеть себя в роли новоиспечённого секс-символа Украины и России?

– Мужчине такое всегда приятно, – со вздохом ответил Горячев. – Хотя ты определённо перестаралась. У тебя что, перебои по этой части? Могу пособить.

И, не обращая внимания на то, что «очаровательная директриса» вся передёрнулась от злости, Андрей выудил из коробочки на настольном календаре листок бумаги и написал на нём: «Одни очень заинтересованные особы убедительно просят тебя отдать им оригинал кассеты или, по крайней мере, в их присутствии его уничтожить. Возможно, в обмен на некоторые, весьма выгодные для тебя, соглашения. Друг».

Светлана презрительно усмехнулась и в свою очередь на обороте того же листка (в целях экономии бумаги) под обращением «Другу!» изобразила кулак с поднятым вверх средним пальцем, затейливо подписавшись: «Незабудка».

Андрею ничего не оставалось, как развести руками: мол, я сделал всё, что мог.

– Нельзя ли взять на память? – осторожно попытался он придвинуть к себе злополучный клочок бумаги. Но Светлана, вовремя сориентировавшись, опередила его:

– Нет, это для конфиденциального пользования. – Затем достала зажигалку и в мгновение ока всю «конфиденциальность» обратила в пепел. – Что-нибудь ещё? – спросила она и принялась пускать в потолок дым колечками.

– Зачем ты строишь из себя проститутку? – неожиданно спросил Андрей. – Неужели мы не можем говорить с тобой в другом тоне? И на кой чёрт ты так оделась, накрасилась? Чтобы лишний раз позлить меня?

– Скорее, наоборот, – ещё больше входя в роль, ответила Светлана, – как же ещё иначе мне пленить великого секс-маэстро?

– А тебе очень хотелось бы меня пленить? – в свою очередь поинтересовался Андрей.

– Естественно. Как и всякой женщине после первого же просмотра столь уникального фильма. Ты в одночасье станешь знаменит, таким вот необычным образом сбудется твоя мечта. Надеюсь, ты рад?

– Очень, – кивнул Андрей.

И предпринял последнюю попытку, написав на листке бумаги: «Ты нарушаешь сложившееся положение вещей. Не делай этого! Никто не простит тебе такое».

Но и этот листок, как и предыдущий, обратился в прах.

– Я прочитала твою книгу. Ты превзошёл себя, – холодно проговорила Светлана, давая понять, что разговор по первому вопросу закончен. – По сути, у тебя была уникальная возможность высказаться в полный голос. И ты прекрасно её использовал. Но скажи, я действительно в жизни такая, как ты меня описал?

– Хуже, – с горечью ответил Горячев, – просто рука дрогнула, не дала всю правду рассказать.

– И ты… – Светлана, не замечая, что пепел с сигареты сыплется на стол, буквально впившись глазами в Андрея, задала ему столь волновавший её вопрос: – Даже зная это, всё равно любишь меня?

– Я тебе никогда не досаждал своей любовью, – с комком в горле ответил Андрей. – Почему тебя так оскорбляют мои чувства? Я действительно для тебя жалкий, гадкий червяк?

– Самый мерзкий, – кивнула Андрею в ответ Светлана, с презрением глядя ему прямо в глаза.

Горячев долго молчал, с трудом удерживаясь, чтобы не расплакаться. Вот бы действительно было смешно. Да бог с ней, пусть торжествует победу.

– Хорошо, – сказал он, наконец взяв в себя в руки. –

По крайней мере, личные отношения мы навсегда прояснили. Может, перейдём тогда к деловой части? Предлагаю наипростейший, но устраивающий всех обмен: рукопись на кассету. Как ты на это смотришь?

Светлана впервые посмотрела на Андрея удивлённо, даже с некоторой растерянностью.

– Не понимаю. Тебе-то какая в том корысть? Что ты при этом выигрываешь?

– Мир, – спокойно ответил Андрей.

– Что-что? – недоумённо переспросила Вольнова.

– Мир, – подтвердил свою мысль Андрей. – «Мир! Труд! Май!» Не помнишь, наверное, был когда-то в моде такой лозунг?

Он любовался ею, несмотря на чудовищный её грим. Что ж, двадцать три года, практически двадцать четыре, – это возраст, когда человек обретает полную самостоятельность и должен отвечать за свои поступки. В эту пору многое меняется в представлениях об окружающем мире. «Да, да, Светланка, ты стала взрослой. Поздравляю, от всей души поздравляю тебя. Но сейчас ты совершаешь роковую ошибку. Может, самую непростительную в своей жизни. Остановись, опомнись!»

– Мой окончательный ответ: нет. «Если хочешь мира, держи порох сухим», как говорили древние. Пусть у меня на всякий случай будет что-то за спиной. И не пытайтесь переворачивать всё вверх дном, устраивать набеги на мою

квартиру, офис. Оригинал в надёжном месте, могу пообещать только, что первой я никогда войну не начну. Что ты решил насчёт романа? – Она вынула из папки бланк договора и протянула его Андрею:

– Порви или подпиши. Что выберешь?

Ничего нового там не было для Горячева, кроме суммы.

– Десять тысяч? Ты так дёшево меня оценила? Пятьсот рублей за авторский лист с полным отказом от всех прав? Да у нас в самой захудалой городской газетёнке обыкновенный гонорар за любую высосанную из пальца чушь больше вдвое-втрое. Надо бы очки купить: может, я не доглядел чего-нибудь?

Светлане на этот раз не понадобилось лезть в сейф. Всё было приготовлено заранее: она просто открыла ящик стола и швырнула Андрею туго перетянутую резинкой пачку.

– Десять тысяч долларов. Ты хоть когда-нибудь такую сумму держал в руках? А что на бумаге проставлено, кого это волнует? Во всяком случае, не меня.

На языке у Андрея вертелась уйма вопросов, но он не задал ни одного из них. Трясущейся рукой он торопливо ставил свою подпись на всех подсунутых ему бумажках, готовый испещрить ею хоть весь стол. Затем спрятал деньги подальше, некстати вспомнив Косточки, когда они с ней вернулась из Крыма: Василина так и не открыла ему, какое место выбрала тогда для тайника, – и тут же поспешил удалиться.

После его ухода впору было смеяться Светлане, но она

вдруг уронила голову на скрещенные на столе ладони и неподвижно сидела так до тех пор, пока в кабинет не заглянула её не в меру любопытная секретарша.

– Какой же ты всё-таки подонок! – Галина была вне себя от ярости. – Зачем ты заразил Олега несбыточными надеждами? Сам всю жизнь, как мотылёк, пропорхал и сына хочешь пустить по миру? Перед ним сейчас открываются необыкновенные возможности: уехать в Америку, здесь подобрать престижную работу, да и сколько он уже их, подобных предложений, получал от фирм, пытающихся его купить на корню? А ты? Чего ты от него добиваешься?

Андрей никак не ожидал подобного наскока, даже того, что Галина на эту тему с ним заговорит. Сам Олег никак не мог проговориться, значит – Геннадий. Хоть и всего добился, но не упускает лишний раз углубить трещину между ещё не разведёнными супругами.

– Я ничего от Олега не добиваюсь, ты что-то путаешь. Просто пора тебе понять, Галочка, что он взрослый и ему самому решать, кем быть в жизни и каким образом добиваться намеченных целей, – холодно ответил он.

– Взрослый – да какой он взрослый! – Галина буквально зашлась в истерике. Такой Андрей её ещё ни разу не видел. – Он же совсем ребенок. Особенно если учесть, что папаша у него недоделанный, до сих пор заторможенный. И никогда не называй меня больше Галочкой, придурок, идиот!

Андрей посмотрел на часы и понял, что если их ссора сейчас затянется, то ему слишком поздно придётся возвращаться домой, что вовсе не входило в его планы.

– Интересно, – тем не менее, не выдержал, в свою очередь возмутился он. – Почему же, совершив в первый раз ошибку, во второй раз ты её повторила? Могла бы найти себе кого-нибудь поприличнее, не писателишку паршивого, или уж совсем себя в старые клячи записала?

– Геннадий не писатель – он бизнесмен, – надменно возразила Галина. – В отличие от тебя, он не дурит народ всякой хренотенью, а деньги зарабатывает.

Настал черёд удивиться Геннадию: и тому, что никакой он не писатель, оказывается, а в особенности тому, что он такой благородный и никого не дурачит. Воспользовавшись моментом, Андрей стал делать Гринину уморительные знаки: заткни же ты, мол, наконец, ей рот, нашей благоверной.

– Нам надо поговорить, Галочка, извини, – незамедлительно отреагировал тот, и ему обращение «Галочка» почему-то сошло с рук.

– Отказалась. Наотрез, – устало проинформировал Андрей своего приятеля. – Компромат упрятала надёжно. Что будем делать? Я даже обмен ей предлагал: рукопись на кассету. Бесполезно.

Геннадий помолчал немного, затем философски пожал плечами:

– Будем ждать. Тут главное, чтобы кассета не оказалась

в руках у её мужа, всё остальное можно пережить. Кстати, в момент встречи тебе ничего не показалось странным в поведении нашей общей знакомой?

Андрей долго вспоминал, но так и не смог ничего отметить.

– Ну, курить стала, как паровоз. Почему-то к моему приходу оделась, накрасилась вызывающе. Некоторая скованность в движениях…

– Понятно, – с некоторым облегчением кивнул Геннадий. – Вот что значит поговорить с очевидцем. Теперь всё сходится. Рецидив, Андрюшенька, рецидив. Она скоро опять усядется в кресло. Или уже сидит в нём. Как считаешь, чем это нам может грозить?

Андрей промолчал, новость совершенно ошеломила его: Светлана вновь инвалидка? Вот почему она так подготовилась к его приходу: любой ценой старалась отвлечь, разозлить его, лишь бы только он не догадался. И так уцепилась за эту дурацкую кассету. Но шила в мешке не утаишь: днём раньше он узнал бы, днём позже, но всё равно бы в конце концов догадался. Так в чём же дело? Ей не хотелось выглядеть в его глазах жалкой?

Между тем Геннадий достал какое-то досье и монотонно начал просвещать Горячева.

– Когда я впервые заподозрил это, с чего я начал – под большим секретом раздобыл старую историю болезни нашей общей знакомой. И не просто снял копию, а заполучил её

полностью, навсегда. Ну а вместо неё была изготовлена более или менее правдоподобная дезинформация. Для тех, кто что-нибудь поймёт и ринется по нашим следам.

– Зачем ты мне так откровенно говоришь о таких вещах? – подозрительно спросил Андрей. – Пытаешься сделать меня своим соучастником? И зачем вообще сам так пристально этим интересуешься?

Геннадий некоторое время смотрел на Горячева как на круглого идиота, затем всё-таки счёл нужным прояснить ему поподробнее свою мысль:

– Я бы долго мог ходить вокруг да около, но всё бесполезно, пока ты не узнаешь главного – кто муж Светланы.

– Да какая мне разница! – с досадой прервал его Андрей. – Какой-нибудь новый русский, решивший вложить средства в новейшую отечественную пачкотню?

– Полагаю, – усмехнулся Геннадий, – отечественная или не отечественная – любая литература этому человеку по барабану. Но в одном ты прав: его во всём интересуют только деньги, ничего больше. Если ты ещё не догадался, это небезызвестный тебе Валерий Грачёв – «Человек, который может всё». Как, вспомнил, наконец? – После многозначительной паузы, во время которой у Горячева действительно, что называется, отвисла челюсть, Гринин продолжил: – Любой другой человек мало встревожил бы вверенное мне подземелье. Не первого и не последнего «отморозка» его обитатели уже преспокойненько отправили в ад. Вопрос лишь

в цене, а денег у них просто девать некуда. Но тут другой вариант – на сцену выходит сам киллер, который в любой момент может прихлопнуть любого из моих обожаемых «гномиков», что называется, хоть оптом, хоть поштучно. Всё, что он желает, – войти в их круг, не больше, но и не меньше. Но там мозги, там такого молодняка и в помине как нет, так никогда и не было. Вот тебе и конфликт поколений. Неразрешимый? Не знаю пока. Ничего не знаю.

Андрей ухмыльнулся.

– Ген, ты что-то путаешь. О ком ты говоришь? О мелком спекулянте, торговавшим всем от косметики до порнографии? Из тех, что «подай-принеси», ни на что большее и не способных? К тому же… Кому, как не мне, знать, что он безумно влюблён в Светлану и готов пойти ради неё на что угодно. А теперь, наверное, до сих пор не может прийти в себя от счастья, что наконец её заполучил.

– Легенда. Обыкновенная легенда, не больше того. Я могу показать тебе кучу фотографий, плёнок, и, к сожалению, ни на одной из них любовью даже не пахнет. Я уже тебе сказал, какая у Грачёва на самом деле единственная, всепоглощающая страсть. Смотрелся он в своё время действительно мелкой сошкой, но, когда с помощью Светланы объявился вдруг в высшем свете, оказалось, что у него столько собственности, акций, денег, сколько не у каждого чинуши среднего звена, если покопаться, найдётся. Не говоря уже о его устойчивых связях с одной небезызвестной преступной группи-

ровкой, в которой он является одним из лидеров. Но мы немного отвлеклись. Давай ближе к делу. Если хочешь, я зачитаю тебе кое-что из моей беседы с одним знаменитым хирургом, который в своё время с нашей помощью сделал головокружительную карьеру, волшебным образом поставив на ноги очаровашку Светочку. «Причина рецидива банальна, является основной у многих больных: почувствовав себя здоровыми, они перестают заниматься лечебными процедурами, регулярно консультироваться у врача, принимать соответствующие медикаменты… Что потом? Операция, дальше ремиссия, затем вновь рецидив, промежутки будут всё больше сокращаться, пока человек уже навек не усядется в инвалидную коляску». Как тебе подобная перспективка? – Так и не дождавшись ответа от Андрея, Геннадий продолжил: – Значит, в самое ближайшее время нам следует ожидать, что Светлана окажется в больнице. Ускорит процесс депрессия, пренебрежительное, точнее даже скотское, отношение со стороны мужа, да и твои крымские похождения изрядно подлили масла в огонь. Нервы у неё не просто измотаны – они на пределе. И что последует в итоге, причём чисто автоматически? Молчишь? Воцарение у руля Валерия Грачёва. Ну а дальше схема проста: разорить издательство, скупить за бесценок доли-акции. Затем влить огромные новые средства, вступить в войну с конкурентами и заставить выделить ему весьма приличные отступные, с которыми новое дело он уж как-нибудь себе найдёт. Светлана останется без

гроша: по условиям их брачного договора, кто с чем пришёл, тот с тем и уходит. А? Каково? Если он вообще оставит её в живых.

– Да, – задумчиво проговорил Горячев. – Что-то ты уж очень мрачную картину нарисовал. Прямо готический роман.

– Сам буду рад, если слишком сгустил краски, – пожал плечами Геннадий. – Но одно нас сейчас объединяет: мы должны сделать всё, чтобы удержать Светлану у власти. Надеюсь, в этом наши интересы совпадают?

– Надеюсь, – скептически ответил Андрей, – вот только совсем недавно ты пел мне обратное, даже угрожал. Лучше скажи наконец, что конкретно буду иметь я за наше сотрудничество и информацию, которую ты от меня только что получил?

Геннадий задумался.

– Насколько я понял, единственная твоя мечта сейчас – поскорее разорвать заключённый в своё время договор?

– Пожалуй. Ты верно подметил.

– И это решение бесповоротное?

– Да, я хорошо подумал, прежде чем его принять.

– Тебе всё равно, сколько ты потеряешь материально и недополучишь морально? Неустоек не будет – наоборот, я даже попытаюсь выторговать для тебя кое-какие отступные. Но имя, Андрюша. Ты знаешь практику: издательство почти всегда публикует нового автора под псевдонимом. Ма-

ринина, Дашкова и иже с ними тут не исключение, просто им удалось пробиться сквозь свою анонимность, а десяткам, сотням других – нет. Псевдоним – собственность издательства, за ним может стоять кто угодно, автор может меняться не один раз. Вас с этой продувной бестией Анютой давно пора выводить из тени, гонять по презентациям, раскручивать на телевидении, в прессе. Хотя, естественно, даже став известными, юридически вы остались бы привязаны к издательству ничуть не меньше. Добавились бы просто раскрутка, повышенный гонорар, ну и ещё кое-какие лакомые кусочки, не мне тебе объяснять. У нас ведь не Америка, где автору бестселлера запросто могут заплатить миллион долларов: пашешь, пашешь впустую «многия лета», потом бац – попал в десятку. А дальше не только ты: а дети, внуки, правнуки твои – обеспеченные люди. Есть ради чего попахать. У нас такое даже в самом страшном сне не может присниться: всё издателю. Автору, кто бы он ни был, – только крошки с барского стола. Ты такой гордый, тебе не нужны эти крошки?

Андрей упрямо покачал головой.

– Нет, мне буквально осточертела вся эта Гаврилиада-Гаргантюада, я просто хочу освободиться.

– Зачем? Чтобы вновь стать рабом или новой разновидностью – безработным рабом?

– Там будет видно. Как говорится, будет день – будет и пища, – мрачно ответил Андрей.

– Ну, насчёт дня – не сомневаюсь, а вот насчёт пищи –

за ней ещё побегать придётся. Ладно, последний опус, получишь за него нормальный гонорар, дальше решай, как знаешь. Моё терпение не беспредельно, больше убеждать тебя я не собираюсь.

– И когда ты приведёшь ко мне на поводке эту чёртову куклу? – поинтересовался Горячев. – Не один же я буду стряпать эту фигню?

– Ничего, Василина поможет, – усмехнулся Геннадий. – Кстати, ты там поделикатнее с ней, она как-никак моя племянница.

– Вот это да! – удивился Горячев. – У такого прохиндея и такая дура родственница! Игра природы?

Гринину, несмотря на всю его невозмутимость, шутка показалась слишком бестактной.

– Во-первых, Василина – не дура, – разозлился он, – и ты ещё не раз сможешь в этом убедиться. А во-вторых, не такой уж я прохиндей. Во всяком случае, будь я им, наш разговор с тобой проходил бы сейчас уж точно не на равных.

– Да это потому, что я тебя к стенке прижал, – не удержался, вновь поддразнил Геннадия Горячев. – Кстати, зачем же ты нас с Олегом Галине продал? Какой куш хотел на этом сорвать?

– Парень не должен повторить нашу ошибку, – упрямо ответил «бывший друг», – а силы свои береги, нам с тобой ими так и так ещё предстоит помериться. Да, кстати, как там с твоим романом? По старой дружбе могу подкинуть

два варианта: опубликовать его в одном месте без гонорара, но с сохранением всех авторских прав, либо сам куплю для нашего издательства, однако уже с потрохами.

Андрей рассмеялся.

– Ну, тут ты, Геныч, определённо опоздал! Роман уже продан.

– Кому – не спрашиваю, – с досадой поморщился Геннадий, – но за сколько?

– А это уже тайна, – спокойно ответил Андрей. – Даже не столько коммерческая, сколько просто тайна.

– Всё равно ты прогадал. Я мог бы дать больше, – предпринял последнюю попытку вынюхать что-либо Геннадий. Однако Андрей остался невозмутим.

Глава 3

– Меня оставляют на второй срок. А вот сторожа больше не требуются. Куда теперь направишь свои стопы? Или на мою шею сядешь и уйдёшь в запой, как всякий уважающий себя русский мужик? – ехидно поинтересовалась Василина.

– Что же ты мне не сказала, что Геннадий – твой дядя, – попытался перехватить инициативу в свои руки Горячев. – Обман, опять обман, изовралась ты, киска.

– Дядя! – фыркнула Неточка. – Раньше был дядя. А сейчас самый обыкновенный новый российский жлоб. Взаймы не дал, когда я с голоду помирала, помнишь?

– Что-то вроде того, но очень смутно, – рассеянно ответил Андрей. – Слушай, а как там у нас обстоят дела по литературной части? Я имел сегодня пренеприятный разговор с нашим работодателем.

– Никак, – с досадой отозвалась Василина. – Два романа нужно срочно написать, а аванс под них пропит и проеден ещё в Коктебеле. Откладывать нельзя. Я думала, что ты там сторожем по ночам творишь, но ты думаешь о чём угодно, только не о деле. Скоро тебя упекут в тюрьму, Андрюшенька, за долги, а то и вообще кокнут – набегает весьма приличная сумма. Я вроде бы тут совсем ни при чём, но всё-таки как-никак твоя жена, пусть и гражданская. И передачи носить,

и хоронить – всё мне придётся, а что может позволить себе подменный продавец палатки?

Андрей задумался.

– Да, невесёлая перспектива. И всё-таки – поможешь мне?

В глазах Василины вспыхнул ленивый интерес.

– Смотря, сколько заплатишь.

– Жене можно и не платить.

– Ну, если ты так ставишь вопрос, то я хоть завтра под венец, а если даром прокатиться задумал – отойди, не обижай бедную девочку, ты её и так всю изъездил, даже в главном до сих пор, как соловья, по большей части баснями кормишь. – Она принялась пальцем тыкать в своё лицо. – Вот эту болячку мы кое-как вылечили, ну а здесь, здесь! Что мне, любовника заводить от тебя? Никудышно справляешься со своими обязанностями.

– Нет, я серьёзно, – поморщился Андрей. – Плачу половину моей доли в гонораре вне зависимости от взятого аванса. Можно под договор. Можно наличными.

– У тебя появились деньги? – удивилась Василина. – А, понятно, роман продал. Ну и дурак. Кому, интересно? Надеюсь, хоть не Крокодилу проклятому?

– Нет, героине, – спокойно ответил Андрей. – Вот, кстати, должок. Так что тебе теперь совершенно не обязательно у меня находиться.

– Да этих копеек мне и на первый семестр не хватит, – пренебрежительно покачала головой Василина и всерьёз за-

думалась. – Ладно, попробуем. Но где взять компьютер? На «Олимпии» твоей далеко не уедешь.

– Завтра купим. Чего ещё изволите?

Василина хитро улыбнулась. Она порылась в чемодане и достала оттуда коробку с дисками.

– Ну вот завтра и поговорим. Здесь сюжеты, наброски, вполне хватит для начала, а дальше – что мы с тобой, не профессионалы? Должна же я когда-нибудь оправдать свой псевдоним: «Неточка»? Ладно, чёрт с ним, плевать на договор. Последний раз поверю на слово, неужели и ты обманешь, а, Горячев? Во всяком случае, нагрузку на самом важном участке увеличиваем теперь вдвое: нужно заботиться о моём вдохновении. Количество, впрочем, можно компенсировать качеством, это только приветствуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.